

Театр

# «РАЗНЫЕ ЛИЦА» МОЛОДЕЖНОГО ТЕАТРА (ПОСЛЕ ЛЕНИНГРАДСКИХ ГАСТРОЛЕЙ)

Театр юного зрителя Эстонской ССР знаком Ленинграду по гастролям, бывшим два года назад. Тогда театр показался интересным, а на фоне ленинградских театров — необычным.

И вот — новые гастроли. Впечатление первое: театр тщательно готовился к встрече с ленинградскими зрителями. Начинаясь театр на этот раз с программы — черно-белой газеты: фотографии из спектаклей, лаконичные аннотации — несколько слов о сути каждого спектакля, задачах театра в той или иной работе, сведения из истории и настоящего молодежного театра. Уже в этой «мелочи» видно существенное: здесь не только вежливость, приятная сама по себе, здесь заявка на серьезный разговор, к которому должны быть готовы и театр, и зритель.

Репертуар, привезенный на гастроли, интересен. Семь спектаклей — значительная часть арсенала театра. Здесь русская классическая пьеса, три советских (одна эстонская, две русские), две зарубежные пьесы и один детский спектакль. Логичный, продуманный отбор.

Пьесу московского молодого драматурга Л. Петрушевской «Чинизано» таллинский театр поставил первым в стране. Уже это удача. Пьеса острая, беспощадная — тем сильнее ее удары, которые наносятся впервые.

Спектакль режиссера Мерле Карусоо «Чинизано» — одна из лучших работ театра, показанных в Ленинграде. Как и пьеса, спектакль нацелен на глубокий эмоциональный контакт, на то, за которой стоит не жестокость, а горечь и понимание. Проблема — пынство. Но только ли это? И это ли главное? Спектакль и пьеса — о сегодняшнем дне. Может быть, о каждом из нас. Спектакль — суд? Но только ли над героями? Обвинить персонажей пьесы в пынстве, пустоте, бездуховности — легко. Сложнее разобраться в истоках этих зол. М. Карусоо выбирает первую аннотацию — спектакль судит, но не казнит героев, он старается быть объективным, решая «кто виноват?». Только ли герои пьесы, потерявшие волю, опустившиеся, озлобленные, жаждущие прикрыть собственную пустоту силой обстоятельств, или сами обстоятельства, давящие на человека, жажда, заставляющая его мстить, суетиться, мельничать?

Пьеса и спектакль по жанру не документальны, но как каждое настоящее, честное художественное произведение это документ времени. Очень много в репликах, ситуациях узнаваемого. Горького. Смешного мало (юмор здесь интенсивно черный); и в том, что все пьют — и мужчины, и женщины, и в том, что вот это-то и есть интеллигенция. Точнее, как бы интеллигенция, ибо принадлежность персонажей к ней выражается лишь в погоне за местом на «престижном» кладбище и в том, что напиваются они не чем-нибудь, а итальянским вермутом...

Если «Чинизано» — цельное драматическое и сценическое произведение, то в «Ночи после выпуска» в варианте молодежного театра (режиссер спектакля — Лембит Петерсон) цельность найти трудно.

«Ночь после выпуска» — это уже, пожалуй, «повторение пройденного» без крайней необходимости в этом. Нишуменная повесть В. Тендрякова привлекла внимание очень многих театров, в том числе и ленинградских. Можно понять, что молодежный театр заинтересовался прежде всего жесткостью и бросающей остроту проблем этого произведения. Но дело в том, что, хотя в жизни конфликты «Ночи после выпуска» не решены, театрами они уже в большой степени заиграны. Острота сменилась дидактикой, общеизвестной и малоувлекательной. Как публицистическое произведение «Ночь после выпуска» состарилась, а на высокие художественные качества вряд ли может претендовать. И все-таки делается еще одна инсценировка, ставится спектакль. Но стоило ли привозить его на гастроли?

Лембит Петерсон (Генка), Калью Орро (Игорь) и Сулев Луйк (Сократ) — лучшие актерские работы в «Ночи после выпуска». Но они не спасают спектакль.

Какие-то моменты «оживают», но весь спектакль живым от этого не становится. Зато в «Чинизано» это же актерское «трио» не просто «удача сама по себе», а часть удачи общей, что более ценно. В «Чинизано» равно смело и сильно играют все — Петерсон, Орро, Луйк и исполнительницы женских ролей Лууле Комиссаров, Эне Янсон, Марье Лоорите.

Трудно представить себе современный эстонский театр без актерского профессионализма. Труппа молодежного театра это правило подтверждает. Актеры работают не просто профессионально, добросовестно, но с полной ответственностью, осознанием смысла спектакля в целом. Не рискуем, не зная театра и полной мере, назвать его коллективом единомышленников, но такие спектакли, как «Чинизано», «Генеральная репетиция», «Прокурор», «Великодушный рогоносец», заставляют вспомнить именно это определение.

Знакомство с актерами молодежного театра становилось особенно интересным, когда удавалось увидеть кого-то в нескольких работах, понять разнообразие его возможностей. Так, Лууле Комиссаров — ожесточенная, агрессивная и несчастная Эля Смирнова в «Чинизано», в таком же «жестком стиле» сыгравшая Машу в «Чайке», — совсем иная в «Генеральной репетиции»: женственная, обаятельная, «негромкая», но цельная личность.

Рудольф Аллаберт — Юхан в «Генеральной репетиции» — играет актера на вторые роли, готового подчиняться всем, и вдруг опущающегося как личную боль реплику из своей роли «Прощу уважать во мне человека». А рядом резкий сатирический персонаж — Боия из «Прокурора». Утрированная пластика, мимика. Злой шарж на обывателя-демагога. И еще одна роль — Медведенко в «Чайке». Смелой,

суетливый, нелепый человек.

Артист Ээро Сприйт показывал ленинградцам четыре работы. Отец прокурора — в этой роли достигается сложное сочетание персонажа-маски и живого человеческого характера. Фарсовость и подлинный драматизм — в роли Петрюса в пьесе Кроммелинка. Точно и энергично Э. Сприйт играет современные роли в «Генеральной репетиции» и «Ночи после выпуска».

Это далеко не все артисты молодежного театра, о которых хотелось бы сказать. По одной-двум ролям запомнились Ильмар Таммур, Эни Крамм, Александер Элмаа, Аго Роо и другие. Это издержки коротких гастролей — невозможность подробнее познакомиться с труппой.

Артисты молодежного театра могут полнее раскрывать свои способности еще и потому, что они работают с разными режиссерами. Это еще одна особенность и достоинство таллинского театра.

В Ленинграде были показаны спектакли трех режиссеров — Калью Комиссарова, Мерле Карусоо и Лембита Петерсона. Но «разные лица» имеют и общие черты. При различии стилей, большем разнообразии, например, Петерсона к языку символов (особенно сильно это проявилось в спектакле «В ожидании Годо», показанном на первых гастролях), к философским обобщениям, или к публицистически острому театру у Комиссарова и у Карусоо, общее у этих режиссеров — намерение серьезно, углубленно, предельно тщательно осваивать материал. Иногда, правда, слишком подробное проговаривание мысли и проблемы кажется излишним, как, например, финальная мизансцена «Чайки» с торжествующим хохочущим хамом Шамраевым. Разве не больше ценности в открытом чеховском финале, чем в этой грубой конкретной точке? И, пожалуй, только перегружает, а то и вовсе останавливает действие чрезмерное разжевывание одной и той же мысли в «Великодушном рогоносеце» — спектакле интересном, но, к сожалению, лишь до середины второго акта, а ведь их три... Впрочем, хочется сказать, что этот недостаток режиссуры стоит, наверно, воспринимать как «болезнь роста» — переход от театра плаката, символа к более полнокровному,

психологически углубленному театру.

Четкость позиции, серьезность, честность, ответственность за сказанное — главные черты общего портрета молодежного театра Эстонии. Это выражается и в том, к какой проблематике обращается театр — острой, самой большой, а не той, которая наносит лишь булавочные уколы.

Две важные роли играет Мати Унт. Он — завлит и постоянный драматург театра. Это очень редкое сочетание в наших театрах. Пьеса Мати Унта «Генеральная репетиция» поднимает очень серьезные и важный вопрос: честность, порядочность в отношении к своей истории. Искусство и революционное прошлое — такое сопоставление обнажает проблему особенно остро. Снимается фильм о подпольщиках Эстонии в 20-е годы. Но для большинства членов киногруппы все это в первую очередь «кино», игра, способ проявить себя или «урвать» что-нибудь для себя в этой игре.

Почти бессловесная роль старого подпольщика Матизена в исполнении Калью Комиссарова становится нравственным центром происходящего. Но центром, по кругу которого вакуум. А сам Матизен так и не сможет, не успеет найти общий язык с Юханом, единственным человеком, которому хотел доверить правду, так мало нужную в этом общем «кино». Матизен умирает. Но катарсиса не происходит. Только два человека — Юхан и Эви, находят в себе силы уйти, отказаться от ролей, но что-то изменить, остановить «кино» они не могут. И чистая мелодия «Марсельезы», звучащая в финале, уже на выходе актеров, в большой степени остается лишь параллелью к происходящему. Осознать правду истории, а через это современность — задача повышенной трудности. Театр не боится задать ее себе и зрительному залу.

Разумеется, не все спектакли Театра юного зрителя ЭССР могли быть показаны за сравнительно короткие гастроли. Хотелось бы, чтобы были показаны новые работы. Ленинградцы увидели театр, с которым хочется и спорить, и соглашаться. А такой путь общения, наверно, самый живой.

Елена ВАЙС,  
театровед.

ЛЕНИНГРАД.